

Не призванные церковные археологи

(письмо в редакцию из г. Переславля-Залесского —
по поводу путешествия г. Каово от Ростова до Переславля)

Как ураган какой пронеслось нынешним летом над Переславлем нашествие некоего археолога Каово на переславские памятники старины. В несколько часов сей археолог осмотрел Переславль, побывал во всех монастырях, осудил всех благодетелей святых храмов, опозорил всех настоятелей и настоятельниц монастырей, найдя во всех церквах всё переломанным, испорченным, и в заключение, яко ревностный охранитель старины, в память своего пребывания в Переславле, напечатал свои сенсационные заметки в газете «Афиши и объявления» (№ 418), вырезки из которой он имел смелость прислать местному преосвященному. Как местный исследователь переславской старины, знакомый с нею документально, я решился снять незаслуженное осуждение с благодетелей святых храмов и настоятелей монастырей (которых г. Каово сравнивает ни более, ни менее как с буйными шайками Сапеги) и сделать несколько общих замечаний относительно того, какое направление должно получить прекрасное само по себе стремление к сохранению и восстановлению памятников нашей церковной старины. Писать на всю телемахиду Каово было бы слишком много. Но нельзя умолчать о его совершенно неверных, особенно выпуклых, заметках о монастырях: Фёдоровском женском и Даниловском мужском.

О женском Фёдоровском монастыре он пишет: «*Построен он в 1557 году царём Грозным в память рождения сына Фёдора... вокруг монастыря ограда с башнями, три церкви, колокольня, построенная (?) иждивением царя Грозного, но (sic!) от этих построек остались одни жалкие следы, так как все здания снаружи и особенно внутри переделывались и переделываются сейчас без всякой системы и надобности (?). Церкви все переделаны и даже живопись сделана вся новая, грубой работы на масле. Уцелела было до 1884 г. древняя паперть при главном храме, с вделанными в стены надгробными плитами XVII в., с искусно высеченными надписями вязью, но и она, стараниями настоятельницы, на средства купчих Г—вых, переделывается в новейшем вкусе с потолками на рельсах, вместо прежних сводов, что не гармонирует с архитектурой храма XVI в.; надгробные плиты извергаются, а оставшиеся предполагаются к извержению». Вот аттестация Каово о Фёдоровском монастыре! Только, к его великому горю, она оказывается ниже всякой критики, показывая совершенное незнакомство автора с действительною историей построения церковных зданий и их реставрирования. Монастырские архивные документы, сохраняющиеся в монастыре в полной целостности и исправности, гласят совсем не то, совсем не о принадлежности монастырских зданий ко времени Грозного.¹*

*Свирелин, А. И. Не призванные церковные археологи (письмо в редакцию из г. Переславля-Залесского — по поводу путешествия г. Каово от Ростова до Переславля) / А. И. Свирелин // *Церковный вестник (часть неофициальная)*. — 1884. — № 43 (27 октября); № 44 (3 ноября). — С. 8—9; 9—10.

¹Они гласят следующее: 1) Фёдоровский монастырь построен не в 1557 году и не царём Иваном Васильевичем Грозным, а гораздо ранее. В архиве есть грамота в Фёдоровский монастырь, данная царём Василием Ивановичем на монастырское село Фёдоровское с деревнями 7019 года (1511 г.) августа 25-го. А в грамоте царя Ивана Васильевича Грозного, данной на имя фёдоровского игумена Макария от 1552 года, пишется, между прочим: «А наместником нашим о суде и всяких пошлинах велел есми ходить во всё потому, как *деда* и *отца* нашего и в наших жалованных грамотах написано о сём Фёдоровском, которое у них взято под Ямскую слободу». Таким образом, основание Фёдоровского монастыря, если не ранее, то непременно восходит к царствованию Ивана Васильевича III (1462—1505 г.). Царь Иван Васильевич IV Грозный построил только церковь во имя Фёдора Стратилата — и более ничего, — да и церковь без папертей, как о том свидетельствует план монастыря, составленный в 1694 году и сохраняющийся в монастыре. 2) *История* другой монастырской церкви во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы такова. Прежде она была деревянная, но по челобитью игуменьи Клеопатры, что-де эта церковь тесна и во время божественного пения за утеснением в тое церковь того монастыря сёстры не вбираются, грамотою патриарха Иоакима (7091—1683 г.) велено тое церковь *разобрать* и вместо её на том же месте построить каменную «во имя тот же престол». В 1685 году сентября

Далее г. Каово утверждает, будто от древних монастырских построек остались одни жалкие следы. Все означенные монастырские здания как окончены в означенных годах постройками, так и стоят во всей целости. Живопись в церкви Феодора Стратилата сделана историческою личностью *Фотиньею* в 1833 году, прекрасная, — не на масле, как замечает Каово, а на сырой извести, в роде *альфреско*. Лучшие знатоки живописи, например г. Филимонов, восхищались ею. Колокольня как построена в 1705 году, так и стоит доселе во всей неповреждённости. Чтобы плакаться об уничтожении прежней колокольни истинными слезами, надобно бы г. Каово родиться ранее, по крайней мере, 180 годами. Всё доселе нами сказанное обличает крайнее неведение г. Каово истории построения монастырских зданий, которое бывает иногда, при недостатке письменных записей, извинительно. Но нельзя простить ему то, что он сказал насчёт паперти, «будто надгробные плиты XVII в., вделанный в стены (это на постройке-то XVIII в.?), извергаются, а оставшиеся предполагаются к извержению». Ничего подобного не бывало и нет, — ни одного кирпича не тронута в них. Самым внимательным образом, в качестве члена археологического общества, осматривал я паперть и ни одной надгробной плиты, вделанной в стены её, нигде не видно. Есть снаружи её несколько вделанных изразцов муравленных, но и они все до одного стоят на своих местах. Г-жи Гладковы и не думали перестраивать их. Один юго-западный угол паперти осел и грозит падением. Настоятельница монастыря донесла об этом своему начальству, дело в производстве и ни к каким работам не приступлено. Что же это?

Такая же несостоятельность г. Каово замечается и в заметках его о Даниловом монастыре. Пишется: «Настоятельские кельи, построенные князем Барятинским вместе с церковью Похвалы Пресвятыя Богородицы, переделаны все теперь заново. Бетонная лестница на рельсах ведёт как в кельи, так равно и в тёплую церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы. Церковь эта много раз переделывалась и наконец недавно окончательно благоукрашена и *фундаментально без всякого остатка старины* на жертвы купчих Гладковых переделана. Гладкие стены под мрамор, чересчур деликатный иконостас, отсутствие живописи... все эти влияния западной цивилизации сказались во всех украшениях храма, переделанного так либерально». Не понимаю, чем возмущается ревнитель мнимой старины, попранной будто бы западной цивилизацией.

Похвальская церковь с настоятельскими кельями построена князем Барятинским в 1695 году на место прежней каменной же. Вся наружная архитектура церкви и настоятельских покоев сохранена вполне, начиная от верха до фундамента; в настоятельских покоях даже лепные украшения потолка целы. Нового в наружном устройстве разве то, что в 1811—15 годах вместо деревянной крыши построена крыша железная. Внутри же церковь лишилась Барятинских украшений во время бывших в ней пожаров в 1720 и 1749 годах. Тогда же сгорело 7 местных образов в серебряных ризах и 9 образов в алтаре. После этих пожаров церковь была вся

23-го грамотою того же патриарха велено вновь построенную церковь освятить никитскому игумену Роману. В 1710 году игумен Варлаам доносил Императору Петру I, что в Фёдоровском монастыре каменная Введенская церковь ветха, а царевна Наталья Алексеевна обещалась построить новую каменную церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы с приделами во имя Введения во храм и святых мучеников Адриана и Наталии; почему и просил разрешения новой постройки. Митрополит Стефан рязанский и муромский велел прежнюю каменную церковь Введенскую *разобрать* и на новом удобном месте строить новую. Новая церковь на новом месте строением окончена в 1710 году, и тот же митрополит ноября 3-го повелел освятить её даниловскому архимандриту Варлааму. Неизвестно почему, впрочем, главный престол устроен во имя Введения во храм богородицы (а не во имя Знамения) с двумя приделами: Знамения Богородицы и святых мучеников Адриана и Наталии. Эта церковь строения 1710 года и стоит до сих пор неизменно со стороны внешнего и внутреннего в главных частях устройства. Нового сделано вот что: вместо прежнего дымного и угарного отопления устроено духовое; вместо иконостаса самой простой столярной работы устроен весьма приличный — дубовый; но иконы остались прежние. 3) *История устройства третьей церкви* — во имя Казанской Божией Матери следующая: Наталья Алексеевна, заметив, что престарелые монахини больничные не имели вблизи больничных келий церкви, — обещалась построить для них церковь во имя Казанской Божией Матери, и митрополит Стефан 1713 года благословил это построение; 1714 года, октября 10-го, церковь эта была освящена даниловским архимандритом Варлаамом. 4) *Колокольня* стояла прежде при северо-западном углу церкви Феодора Стратилата, о чём свидетельствует и план монастыря 1694 года. В переписных книгах 1653 года о ней пишется так: «колокольница каменная о четырёх столпах выбелена, связи брусяныя на столпах два ряда брусяных, да четыре ряда семерику брусяного с подборами, на семерике шатёр, на шатре глава обита чешуёю». Эта колокольня, о которой плачет г. Каово, сломана была в 1704 году, когда стали строить при церкви паперти. Нынешняя колокольня, как видно из монастырской записи 1799 года, построена в 1705 году частью на монастырские деньги, частью на пожертвованные деньги некоею вдовою Мариною Макарьевною. 5) Паперти при церкви Феодора Стратилата построены в 1704 году иждивением царского уставщика Сергея Иванова Суворова. 6) Ограда вокруг монастыря прежде была деревянная, рублена, с 8-ю башнями, а потом на монастырский кош в 1763 году построена каменная, существующая доныне. Вот истинная история построения церкви и прочих монастырских зданий! Как же не стыдно г. Каово, не справясь с историей, очертя голову, окрестить все монастырские постройки именем царя Грозного!

исправлена в 1752 году на монастырский кошт. В 1826—28 годах она расписана была живописью и написаны новые иконы в иконостасе. Так внутреннее устройство церкви Барятинского уничтожилось и исправлялось вновь силою самых обстоятельств, ни от кого не зависящих. И слёзы Каово о Барятинских украшениях совершенно напрасны и неосновательны. Какую же древность уничтожили гг. Гладковы, эти истинные благодетельницы наших переславских храмов? Прежде была церковь холодная, дымная, угарная; они устроили прекрасное духовое отопление; вместо простого и заурядного столярного иконостаса и икон, устроенных и написанных в 1828 году, они устроили прекрасный дубовый иконостас и художественного письма иконы в нём; вместо живописи, написанной в том же году и приходившей в ветхость, устроили стены под мрамор: ветхое, но нисколько не древнее, аляповатое заменено ими лучшим, художественным, — и кричит защитник мнимой старины: древность испорчена, древность уничтожена! Сам г. Каово знает из моего описания Данилова монастыря, что были в церкви два пожара, так нет, он требует, чтобы огонь не жёл и пламя не пылало.

Особенно выставляет на вид г. Каово, вероятно, как веяние западной цивилизации, устройство Гладковыми бетонной лестницы, ведущей в церковь. Зачем, в самом деле, такая роскошь? Ходили бы по деревянной, ветхой и спотыкались. Ревнителю мнимой старины представилось, что эта лестница пробита вновь (это, вероятно, и значит его заметка, что церковь Похвальская переделана фундаментально). Но да утешится он! Я читал в архиве подлинный контракт Барятинского с подрядчиками о построении Похвальской церкви. В нём требуется именно устроить две лестницы: одну парадную, другую чёрную. Г. Каово, к сожалению, не видал парадной лестницы из белого камня, а она цела, даже со всеми надписями, высеченными в стенах её. Вместо чёрной лестницы гг. Гладковыми устроена прекрасная бетонная: экая беда случилась! Но этого мало: пошёл с плеча рубить г. Каово, и в заметках о Даниловском монастыре, как в заметках о Феодоровском монастыре, сообщает известие о том, будто на средства Гладковых переделывается церковь Всех Святых, что около паперти идёт уже ломка и стоят груды нового кирпича. Здесь мнящийся быти археологом г. Каово, положительно, как говорится, заплутался в двух берёзах. Церковь Всех Святых стоит целёхонька, и ни малейшей постройки в ней не производится. Переделываются паперти в приделе преподобного Даниила при Троицком соборе, пришедшие в ветхость и грозившие падением. Придел этот построен в 1660 году, а потом в 1813 году весь исправлен; от того 1813 г. остались паперти, ныне переделываемые с разрешения епархиального начальства по одобренному плану. И надобно кричать: «древность уничтожают!» В археологии особенно надобно держаться правила: семь раз померять, чтобы не отрезать криво и не порезать руки.

Прочие сведения о переславских монастырях и церквях взяты г. Каово из описаний монастырей и археологических статей, составленных не им, а другими любителями древностей. Заметки же его всюду отличаются несправедливою раздражительностью и ригоризмом. Например, он плачется над разрушением какой-то Гефсимании в Горицком монастыре. Подумаешь со стороны, что эта Гефсимания была какая-нибудь древняя замечательная святыня, например церковь. В самом же деле это вот что такое. Переславский епископ Амвросий, как бывший настоятель Воскресенского—Новый Иерусалим монастыря, задумал около 1760 г., по образцу Новоиерусалимского монастыря, и в Горицком монастыре, где жили переславские епископы, устроить громадное здание, которое соединяло бы древнюю Всехсвятскую церковь с построенным им Успенским собором. Для того он вывел две кирпичные стены, скрывавшие фасад собора и алтарь древней Всехсвятской церкви. В окнах этих стен он собрал все надгробные плиты с Горицкого кладбища. Быть может, если бы пожил Амвросий подольше в Горицком, и вышло бы что-нибудь законченное из устроенных им двух стен, северной и южной; но в 1761 г. он был переведён в Крутицкую епархию, а с переводом его, ни один из четырёх преемников его епископов не счёл нужным продолжать его затею. Так от того времени и остались те две кирпичные стены, пришедшие в такую ветхость, что валились сверху их кирпичи. С переводом духовного училища из Данилова монастыря в Горицкий, для сбережения жизни учеников необходимо было сломать их. Сломкою их, разрешённую археологическим обществом, достигнуты два археологические требования: открыт фасад собора и древней Всехсвятской церкви, а Всехсвятская церковь, полуразрушенная, восстановлена в древнем виде. Этого возобновления г. Каово не заметил, а рыдает над кирпичными стенами 1761 г. и не может освободиться от неправды: говорит, что построена каменная баня, но таковой никогда не бывало и нет. Так г. Каово одарён удивительною способностью превращать невидимое в видимое, фантазию в действительность и на каждом пункте выходит из нормального психического состояния.

К чему же, однако, приводят голословные, неверные заметки таких летучих археологов, как г. Каово? Они убивают добрую энергию настоятелей монастырей в устройении святых обителей, смущают доброхотных благотворителей и охлаждают их усердие к благотворениям, беспокоят напрасно епархиальные начальства расследованиями разной чепухи печатной. Настоятелям епархиальных начальств и археологических обществ и археологических съездов выработать строго определённую инструкцию, в которой ясно показать, какую древность церковную и как следует охранять, взяв во внимание и местные условия, чтобы оградить церкви от таких неосновательных крикунов, как г. Каово. Теперь всякий кричит, как попало и как ему желается. Положим, церковь NN древняя, — но на ней деревянная крыша гнила; прихожане собрали свои гроши, чтобы покрыть её железом; ужели нельзя этого сделать? Церковь древняя, но холодная; ужели нельзя сделать её тёплой? Ведь церкви не картинки, на которые только можно любоваться со стороны; в них молятся православные иногда часа по три зараз; ужели из сохранения древности знобить их? Церковь древняя, — но с пустыми штукатуренными стенами; ужели нельзя в ней сделать живописи, сообразно средствам и усердию прихожан? Если то и другое нельзя и нельзя, — то археология наша ничем не будет отличаться от мнимого старообрядчества. Если уже всякая ветхость, грубая, аляповатая, не представляющая и тени художества, очень дорога, то снимали бы с неё рисунки, а не парализовали бы народного благочестивого чувства, выражающегося в украшении святых храмов. А настоятелям церквей и монастырей советуем не допускать, без разрешения епархиальной власти, до осмотра церквей и принадлежащего им, таких мнимых охранителей старины, как г. Каово!

Протоиерей А. Свирелин